

Сергей Дмитренко

Сергей Фёдорович Дмитренко (1953) – историк русской литературы, прозаик, педагогический журналист. Служил в ВВС. Доцент Литературного института имени А.М.Горького (окончил здесь семинар прозы и аспирантуру). С 1993 года также работает в издательском доме «Первое сентября». В соавторстве с Натальей Борисенко под псевдонимом «Наталья Кременчук» опубликовал роман «Смерть на фуршете» – юмористический детектив о современной литературной жизни. Лауреат премии «Нового Журнала» (Нью-Йорк) за лучший рассказ (2001), Международной премии имени Фазиля Искандера (2018).

Прямая речь: «Помещать собственные сочинения в издании под своей редакцией – дело, очень мягко говоря, спорное. Некоторое самооправдание нахожу в следующем. Оба рассказа уже печатались и перепечатывались, а здесь, в “Хрестоматии новой литературы” оказались лишь с экспериментально-педагогической целью. Автору тоже хочется получить нелицеприятную оценку, а где её отыскать, как не в школе?! Может быть, учителя их прочтут и обсудят: “Букет” – со старшеклассниками (однажды издатели, впрочем, без объяснений, отмаркировали его по категории: 16+), а “Бабушкину черепашку” – без ограничений в возрасте. Это своё сочинение я писал в надежде, что оно, как и следует святочному рассказу, пригодится для семейного чтения».

*****

БУКЕТ

Буквица? мышник? горец? шалфей? таволга? румянка? горицвет? козелец? ветреница? сочевичник? касатик? прострел – как назывались эти цветы? эти травы…

Как назывались, наверное, знал старик. Конечно, это знал старик. Но старик теперь был далеко. Позавчера вечером, когда они доплелись до разрушенного и брошенного села, старик сказал, что он не пойдёт дальше. Старик долго бродил среди развалин, уходил и возвращался. А наутро, когда все они кое-как перемаялись в темноте, спали-не спали на окраине села, в самом уцелевшем из разбитых и взорванных домов, старик сказал, что он остаётся. Не хочет идти дальше. Ну, хорошо: не может. Он стар. Ему всё равно, где умирать. Но не хочется умереть в дороге. Он останется в этом доме. Дом можно отремонтировать. В этой комнате уцелели стёкла в одном окне, а стёкла для другой рамы он подберёт в соседних домах. И стены почти сохранились. Жить можно. Кое-где в подвалах есть картошка, овощи – сами вчера видели. Даже бочка с солёными огурцами. Плесень смыл – и порядок! Он побудет здесь, а они, когда доберутся – старик сказал: когда доберутся, а не: если доберутся, – когда доберутся всё же до людей, скажут о нём. Пускай приедут или прилетят – и заберут его отсюда.

«Куда приедут-заберут?» – с досадой спросил отец. «Здесь ни конца-ни краю. Куда лететь? На деревню дедушке?!»

Старик вздохнул и кивнул в сторону разбитой дороги. «Никакой деревни, всё известно». Отец не понял. Тогда старик поковылял к обочине – он, и вправду, ещё накануне еле переставлял ноги, даже палка не помогала. Старик поднял валявшуюся в придорожной траве синюю продолговатую

жестянку с надписью белыми буквами: Изобильное. Надпись была перечёркнута красным. Дорожный знак. Белый металлический столбик, с которого этот знак сбили, невредимо торчал рядом. «Название запомните? – спросил старик. – Рог изобилия. Легко запомнить». «Рог» – повторил отец.

Старик остался в селе.

Когда старик был с ними, они шли медленнее, чем теперь. Он опирался на палку, ступал тяжело и порой было непонятно, то ли он тащит эту палку, то ли палка тащит его. Они шли медленнее, но со стариком было легче. Старик почти не умолкал. Он рассказывал солдату, как молодым, таким же, точь-в-точь, как солдат, оказался на войне, где в грязи и в крови, в пороховой копоти, с лёгкими ранами и погибшими друзьями, с непонятными контузиями, добрались до победы, знали, где она, и как, и почему. Он утешал женщин, и как-то это ему удавалось, хотя одна была вдова без всяких сомнений, сама кое-как похоронила мужа на детской площадке во дворе города, где они прожили всю жизнь, а мужа второй увели бандиты, нет, не увели, а утащили, потому что перед этим все они насиловали её, а ему кричали: «Смотри, смотри», а он не смотрел, а кричал им: «Убейте меня, поганые, убейте, или я всё равно убью вас, вас много, а я один, что же вы не убиваете, шакалы, храбрецы» – и они били, били, били его, а потом потащили его куда-то, а её, увидев, что она то ли потеряла сознание, то ли умерла, бросили…Старику удавалось их утешить, чтобы женщины шли дальше; он не говорил им много. Это с отцом он подолгу обсуждал работу двигателей и моторов, посадку вишен и огурцов… Он рассказывал девочке сказки, которые слушали все. Девочка слушала их серьёзно, молча, даже без улыбки, а вот взрослые не раз улыбались, когда старик заговаривал разными голосами – у него это здорово получалось, а однажды, изображая храброго солдата, победившего дракона, взял у их солдата его карабин, всё равно он был без патронов, хотя и с магазином, и показал, как тот солдат, из сказки, расправился с драконом. Девочка слушала молча, она почти не говорила с того дня, как мать, прятавшую её под своим телом во время обстрела города, убило осколками. Один, роковой, попал матери в шею, и когда отец вытаскивал дочку из-под тела своей жены, она почти вся была залита кровью. И когда они с отцом – а ещё этот старик, у которого сгорел дом, и солдат, отставший от своего взвода и потому уцелевший во время уличного боя, – когда они пошли из города, кровь кое-где оставалась, это потом её отмыли встреченные женщины – вначале к ним прибилась вдова, потом эта, молодая, с поджившей царапиной на щеке. У отца ничего не было с собой из вещей – только швейцарский нож, подарок жены к годовщине свадьбы, и заплечный мешок с одеждой девочки. Он, кроме зимней, взял её всю, и мешок был довольно большой. Но отец нёс её всю, и почти каждый день давал девочке чистое платье и бельё, и старик, когда он был с ними, всегда хвалил каждое новое платье, которое он видел на девочке.

Да, старик, конечно, знал, как называются эти цветы, которые срывала, собирая в букет, девочка. Отец не разрешал ей сходить с дороги – мало ли что! хотя и по дороге они брели, глядя себе под ноги, как раз на дороге и

могла поджидать всякая гадость, вроде мины или фугаса. Но всё-таки девочка нет-нет, а изловчалась сорвать ещё один цветок. «А этот как называется?». Отец разводил руками. Солдат смущённо прижмуривал глаза. Женщины вздыхали, иногда гладили девочку по голову… Цветов в букете становилось всё больше, но как они назывались?

Чёрно-красные колосья – мышника? Тёмно-малиновые цилиндры – мясо-красного горца? Бело-розовый бисер – таволги? Малиново-розовые губастые цветки – буквицы? Густой сине-фиолет метёлок – лугового шалфея? Тёмно-красный цилиндро-конус – румянки? Тёмно-розовые корзинки – пурпурового козельца?! Эти луга, эта степь, эти предгорья…

Только и спрашивала, пыталась узнать девочка, – как называются цветы, которые она собирала.

Никто не знал. Шли дальше. Куда шли? Все думали, что надо на север – там будет лучше. Вот и шли по солнцу. Но севера всё не было. Было тепло, цвели цветы, светило солнце. Пустынно. Ни людей на земле, ни вертолётов в небе. Самолёты их не замечали, а им они были не нужны.

Сегодня они шли долго. Дорога, местами разбитая, не кончалась, не перекрывалась сёлами. Однажды прошли мимо разбитого автокаравана. Сгоревшие грузовики, взорванный или взорвавшийся бронетранспортёр… Но людей никого – ни погибших, ни раненых. Лишь пахло свежей гарью.

И опять пустота на дороге, и им начинало казаться, что они бредут в полудрёме.

«Стой!» – все они как очнулись от этого резкого голоса.

«Стой! Руки вверх! Бросай оружие!»

Солдат застыл. Оружие было только у него. Карабин остался без ремня, и он нёс его в руках.

«Бросай оружие! Стреляю без предупреждения».

Откуда он взялся, этот худой долговязый бородач с автоматом наизготовку? Никто его не заметил. Затаился в высокой траве, подождал, пока они прошли, – и возник за их спинами.

«Он без патронов, – вдруг сказал солдат. – Но я не могу его бросить». – Солдат и сам не понимал, кто это говорит, он или кто-то отдельный от него. – «Он записан в моём военном билете».

«Какой билет, баран! – заорал бородач. – Я тебе голову снесу!».

«Он без патронов, – повторил солдат. – А за потерю оружия меня отдадут под трибунал».

Все они стояли с поднятыми руками, и даже девочка подняла руки – сколько могла, потому что они были с большим уже букетом, хотя не понимала, зачем это сделала, – она повторила за взрослыми. Только солдат держал карабин, перехватив его за приклад, стволом в землю. Другую руку – правую – он заложил за спину.

«Где твой трибунал, свинья! – Бородач захохотал, стараясь, чтобы получилось страшно. – Ничего нет – ни трибунала, ни армии».

«Карабин без патронов, но это моё оружие, – повторил солдат. – Я за него отвечаю».

«Ты много базаришь! – завопил бородач, но, видно, у него появилась какая-то идея. Он направил свой автомат на девочку. – Без патронов, говоришь? Ну-ка, сними магазин, только без дури. Если что, первая пуля – девчонке, очередь – остальным. Снимай!»

Солдат медленно и спокойно отсоединил магазин, продолжая держать карабин за приклад.

«Брось на землю».

Солдат послушно бросил.

«Ты, с букетом! принеси магазин сюда, быстро».

Девочка сразу поняла, что от неё хотят, и, не выпуская из руки букета, подхватила магазин и почти бегом принесла его этому человеку с автоматом.

«Стой здесь!» Держа девочку под прицелом, он осмотрел магазин. «Пустой!». Отбросил в сторону. Потребовал: «Теперь пусть девчонка принесёт твоё ружьё. Вояка! Мушкетёр! Вооружили его!.. Да, положи ты свой веник!» – крикнул он девочке, видя, что она двинулся к солдату с букетом.

Девочка послушно положила букет рядом с рослым, высоким-высоким бородачом и пошла к солдату. Отец видел, что карабин был тяжёл для неё, но девочка старалась не волочить оружие по земле. Автомат был направлен на неё, и отец стоял молча с поднятыми руками.

Получив карабин, бородач быстро проверил его: без патрона в стволе! «Пукалка» – удовлетворённо сказал он. «Согласен, – почти благодушно сказал он. – Не надо разбрасываться оружием. Пригодится. Даже твой карабин. Я отведу тебя туда, где его примут. Если захочешь, даже расписку дадут. В твоём военном билете». Он ловко держа одной рукой свой автомат наизготовку, другой протянул карабин девочке. «Неси своему защитнику. Пусть тащит».

Упрямо подняв с земли букет, девочка с трудом понесла всю свою поклажу обратной дорогой.

Вдовы и отец молча смотрели на неё.

Солдат смотрел на бородача. «Слушай, отпусти их, – сказал солдат. – Отпусти, я твой пленник, а с женщинами и детьми тебе воевать как-то не по росту».

«Я сам знаю, кто мои пленники! – заорал бородач. – Разговорился!.. Эй, мужик, – крикнул он отцу. – Что у тебя в мешке? Может, там оружие?»

«Какое оружие, – с усталостью произнёс отец. – Одежда дочери, кое-какая еда».

«Сбрось на землю!»

Отец послушно сбросил мешок.

«А у вас что? – крикнул он женщинам, подходя ближе. – Кольца, серьги, золото есть?»

«Нет», – замотали они головами.

«Если сам найду, хуже будет».

«Обыскивай», – с открытой ненавистью проговорила молодая.

«Дойдём – обыщу, будь спокойна» – раскрыл в желтозубой звериной улыбке рот бородач, и лицо молодой посерело.

Девочка наконец дотащила карабин до солдата и передала ему, оставшись со своим букетом.

«Ну, всё, – бородач улыбнулся ещё шире, и девочка на миг закрыла глаза. – Мужик, можешь взять свой мешок».

Отец послушно надел мешок на спину. – «Солдат – впереди, бабы – по бокам от него, чуть сзади, за ними – мужик. А девчонка будет ко мне поближе. Так надёжнее... Ну! пошли!», – и он двинул стволом автомата, показывая направление. Впрочем, идти надо было туда же, куда они и направлялись.

«Отпусти их», – вновь попросил солдат.

«Вперёд! – заорал бородач. – В военнопленного раньше играть надо было. Я вас, скотов, продам… Вперёд!» – оборвал он сам себя.

Они пошли по дороге – как он сказал.

Молча. Не оглядываясь. Слыша только частое покашливание того, с автоматом, сзади. Впереди была пустая степь, с холмами по горизонтам. Нежаркое солнце.

Шли долго.

Цветов по-прежнему вокруг было много, но девочка теперь не могла их собирать. Она смотрела на согнувшуюся ещё сильней из-за мешка спину отца.

Шли и шли.

Справа у дороги появились небольшие кусты – орешник, что ли? Нет, не орешник.

Старик бы назвал.

Молодая женщина остановилась и оглянулась на бородача. «Долго ещё идти?!»

«Давай-давай, пошла! – скомандовал тот. – Придём!»

Но уже все остановились.

«Мне надо! – твёрдо сказала женщина. – Чё издеваешься? Сам, что ли, с небес спустился?»

Девочка тоже хотела, только боялась сказать. Терпела.

Бородач ощерился улыбкой: «Ну, и делай, раз надо. Садись и делай. Вон сколько места».

«Чё издеваешься? – повторила женщина. – Скотами называешь, а сам… В кусты пойдём».

«Ты пойдёшь в кусты! – заорал бородач. – Делай здесь!»

«Дядя, мы рядом, мы далеко не уйдём», – попросила девочка. Теперь терпеть сразу стало невмоготу.

Он посмотрел на девочку, в её большие глаза с удивительно длинными ресницами.

«Нет! Только с дороги разрешаю сойти».

Они спустились, перейдя через заросшую травой канаву, попытались как-то укрыться среди ближних чахлых побегов кустарника. Дальше он не

разрешил идти. Солдат и отец, отвернувшись от них, остановились здесь же, за канавой, чуть впереди.

Получилось плохо. Девочка вздохнула, поправила одежду и встала, взяв отложенный поблизости букет.

Встали и женщины. Бородач возвышался над ними, вновь щерясь улыбкой.

«Стыд! Болтовня! Неудобно! Женщины! Дети! – Он смотрел на женщин с презрением. Затем плюнул в сторону солдата и отца. – А мне не стыдно! Смотрите!»

Он не спеша расстегнул молнию на своих чёрных штанах и, начав дело, хотел сказать ещё что-то…

Воздух на мгновение разбило ударом выстрела, и уже беззвучно бородач ничком рухнул в собственную лужу – лишь звякнул автомат и хлюпнуло то ли у него в груди, то ли эта влага на земле. Солдат и отец бросились к нему, но уже больше ничего не надо было делать. Он оставался неподвижен. Голова при падении завернулась набок – и теперь казалось, что ухом он припал к земле и слушает в ней что-то.

«Умер?!» – спросила или сказала девочка.

Солдат стоял бледный. «Честное слово, только в карантине стрелял четыре раза, а в бой так не попал», – наконец проговорил он.

«Как он выстрелил?!» – удивился отец, бросив взгляд на карабин и продолжая не сводить глаз с лежащего.

Солдат посмотрел на девочку. Она застыла с букетом.

Солдат посмотрел на отца. Зачем ему знать?

«Сам не пойму. Как подтолкнуло что-то. Даже не целился вроде – просто выстрелил».

Вдова недоверчиво посмотрела на солдата – и с облегчением вздохнула.

«Уходить отсюда надо, – сказала она и посмотрела на убитого. – Дурак. И похоронить-то тебя по-людски не получится».

«Свои похоронят», – безразлично сказала молодая.

«Пойдём», – сказал солдат и протянул девочке руку, вновь и вновь вспоминая нежную теплоту её ладоньки и пальцев, когда вместе с карабином она молча передала ему этот тяжёлый согретый патрон.

«Пойдём», – согласилась девочка.

Посмотрев, до содрогания своего сердца, в распахнутый и неподвижный глаз лежащего, на этот беспомощный полуоскал жёлтых больших зубов, она осторожно прикрыла лицо убитого своим букетом.

Протянула руки отцу и солдату: «Пойдёмте!».

Теперь они шли не по дороге. И, наверное, не совсем на север. Они шли какой-то полутропкой по направлению к неведомым холмам на горизонте, шли быстро – и все молча надеялись, что не будет погони. Идти было труднее, чем по дороге, но девочка отказывалась, когда то отец, то солдат предлагали взять её на руки.

Через час, а, может, через три, стало спокойнее. Всё же они старались идти осторожно – двигались гуськом, один за другим. И вот кто из них

первым заметил, кто первым понял? вновь в руках у девочки были цветы, и вновь она срывала их, незнакомые и разные в своей красоте, – свободно растущие вокруг.

2001

*

БАБУШКИНА ЧЕРЕПАШКА

– Кто меня в садик ведёт? – спросил он, проснувшись.

– Отец тебя ведёт, – бабушка ответила. – Если не опоздает.

Папа не опоздал. Он никогда не опаздывал.

– Я уже оделся, – сказал он папе, когда папа позвонил, и бабушка открыла ему дверь.

– Молодец! – сказал папа. – Здравствуйте, Светлана Гавриловна.

– Ты там с воспитательницей найди общий язык, – сказала мама, появляясь в прихожей. – Чтоб присмотрела за ним хотя бы первые недели.

– Освоится, – сказал папа. – Освоишься, Антон?

Он кивнул, хотя не совсем понял слово. Но если папа сказал, значит, всё будет в порядке. В старом садике было хорошо, значит, и в этом должно быть так же. Зато они наконец переехали в новую квартиру. И двор хороший, обещают весной детскую площадку построить.

Старый садик был, правда, от дома близко – в соседнем дворе. А в этот придётся на троллейбусе ездить. Но сегодня зато – на папиной машине.

Только что отъехали – и уже приехали.

– Странно даже, – сказал папа. – Практически без пробок. А к вам сюда я почти час полз, даже опасаться стал, что опоздаю.

Группа у них там была «Снегири», а здесь называется «Муравьишки». Ну, муравьишки так муравьишки. Это ведь не те муравьи, что на даче тлю на вишнях и яблонях рассаживают, а бабушка их всякими отравами опрыскивает. Есть ведь муравьи сказочные, муравьи в мультиках. Ему нравится про то, как муравьишка домой спешил.

В раздевалку им навстречу вышла воспитательница. В том садике воспитательница у них была высокая – «брюнетка», говорила бабушка, а эта невысокого роста, с короткой стрижкой, как у мамы, только волосы посветлее.

– Здравствуйте. Какой он у вас крепыш! Меня Надеждой Николаевной зовут, а тебя как?

– Антон, – сказал он, и папа протянул Надежде Николаевне справку из поликлиники. Они заговорили, а он увидел рыжую.

Эту рыжую с двумя довольно толстыми косичками, в которые были вплетены синие ленточки. Она уже переобулась и пошла в группу.

– Не засматривайся, Антон! – сказала Надежда Николаевна. – Снимай куртку, переобувайся, мой руки и садись завтракать. Свободный столик номер шесть. Ты знаешь цифры?

– Конечно, знает, – поторопился ответить папа. – Он уже читает понемногу...

У Рыжей здесь, понятно, было своё место. За столиком, который стоял дальше всех от столика номер шесть.

За этим столиком сидел только мальчишка, вертевший ложку в своих больших руках.

– Садись напротив, Толстяк, – сказал он. – Сейчас нянечка жрачку разносить будет.

– Я не толстяк, – сказал он. – Я Антон.

– Толстяк, толстяк, – забормотал мальчишка. – Белобрысый Толстяк. А если не Толстяк, отдай мне свой завтрак.

Это ему не понравилось, и он посмотрел в сторону дверей.

Там стоял папа и, улыбаясь, махал ему рукой. Ведь папа обещал и вечером его отсюда забрать.

И ещё он увидел, что на него смотрит рыжая. Она хоть и далеко сидела, но так, что лицом к нему.

Веснушки на щеках и глаза большие такие, зелёные.

– Я не Толстяк, – сказал он. – И у тебя есть свой завтрак.

С мальчишкой – его звали Мишка – из-за Толстяка всё же пришлось подраться. Не в первый день, а в пятницу, на прогулке.

Кто победил, неизвестно, – Надежда Николаевна их разняла. Но, наверное, победил он, потому что, когда его забирала бабушка, воспитательница ей сказала: «А мальчик-то ваш, оказывается, дерётся!». «Вообще-то он без дела не дерётся, – возразила бабушка. – Он же не с девочкой дрался?» «Нет, от девочек он подальше держится». «Ты смотри, Антон, руки не распускай, если что, Надежде Николаевне говори», – велела бабушка.

Не скажет он ничего Надежде Николаевне! Лишь бы рыжая, то есть Ульяна, не слышала, что его Толстяком обозвали. Ведь не толстяк он, просто щёки у него такие, круглые. Как у папы, хотя папа уже вырос.

А Ульяну Рыжей не дразнили. Это другую девочку в их прежнем садике, Эллу, тоже рыжую, правда, поменьше, дразнили. Но Элла была просто так, без веснушек, он вспомнил о ней, только когда Ульяну увидел. Вот, подумал, тоже рыжая, а совсем другая девочка.

Ульяну в группе все звали Улей, а его Антоном. Или Антохой. Нормально. С Мишкой он больше не дрался, но и с Ульяной как-то не получалось заговорить, ну, поговорить просто. Где бывает после садика, куда летом ездила... Только смотрел на неё каждый день. Издали смотрел, когда она с девчонками играла, а он с мальчишками. Ну, когда завтракали и обедали, полдничали. Ульяна всегда ела быстро, а он даже медленнее, чем

дома. И смотрел на неё – вот она всё съела, вот сидит, ждёт, когда разрешат из-за столика выйти. Смотрит во все стороны, иногда и на него смотрела. Но так, быстро. Посмотрит – и взгляд переводит.

Теперь, кроме его и Мишки, за столиком сидели ещё две девочки. Одна, Тамара, просто болела, когда он в первый день пришёл, такая совсем маленькая, и совсем короткая была у неё стрижка – никаких бантиков, никаких ленточек.

Другая, тоже новенькая, Лика-Анжелика, наоборот, оказалась с длинной чёрной косой, в которую каждый день ей вплетали ленту разного цвета – красную, прозрачно-золотистую – с бабочками, сиреневую, фиолетовую, оранжевую... Больше было этих цветов, чем дней в неделе, но он не считал... А Ульяна меняла четыре ленты: синие, зелёные, иногда белые и ещё шоколадные. Она так Варе сказала, когда эта задира спросила: «Почему у тебя ленты коричневые? Сама рыжая, и ленты коричневые». «Нет, это ленты шоколадного цвета», не согласилась Ульяна. Правда, она говорила: «соколадные», ну, шепелявила ещё немного, и логопед Ольга Анатольевна на занятиях учила Ульяну произносить звук «ш», а его – звук «р». Ульяна звук «р» произносила хорошо. А Мишка и Варя, самые главные задиры в их группе, все звуки произносили правильно.

Вот, оказывается, как бывает.

Ещё ему повезло, что во время тихого часа их кроватки стояли близко, через две третья, и немного с поворотом из-за шкафа. И когда лечь на своей чуть повыше, на левый бок, хотя так им не разрешали, видно было кроватку Ульяны, её подушку, и её, спящую – она засыпала быстро, сразу. А он не засыпал, смотрел на неё, прикрыв глаза или просто открыв, если на соседней кроватке лежавший Мишка переставал ворочаться, затихал.

В декабре начали готовиться к ёлке. Это был у них не первый утренник, и он всегда надеялся, что его поставят танцевать в пару с Ульяной. Но не везло. Не ставили. Вообще не давалась ему музыка: с пением совсем не получалось, хотя стихи песенок он всегда сразу выучивал. Однажды Евгения Павловна, которая у них музыкальные занятия вела, даже попросила его отойти от хора и просто посидеть на стуле рядом, послушать. «Молодец, Антон, все слова выучил, но пока не получается у тебя петь. И даже подтягивать не получается. Надо с тобой отдельно позаниматься». Но не позанималась пока.

И когда новогодний утренник подготовили, где был танец снежинок-девочек с медвежатами-волчатами-львятами-мальчиками, он, ставший медвежонком, попал в пару не с Ульяной, а с неповоротливой Любой, и даже в хороводе оказался далеко от Ульяны.

Зато на следующий день, это уже тридцатое декабря было, последний раз в садике собрались перед зимними каникулами, ему повезло. Наконец повезло.

За ним пришла бабушка, и они уже стояли на троллейбусной остановке, когда появилась Ульяна со своей мамой.

Взрослые поздоровались, оказывается, они были знакомы. Ну, и они с Ульяной поздоровались ещё раз.

В троллейбусе было много народа, но бабушка и Ульянина мама как-то усадили их–втиснули на одно место. Сами стояли рядом – разговаривали.

– Ты где живёшь? – спросил он, а то ведь выйдут – так и не поговоришь.

– Улица Новосёлов, дом восемь, квартира тридцать два, – ответила она. Увидев, что он задумался, прибавила: – Я наизусть свой адрес знаю. Меня родители научили на всякий случай.

– Я ведь тоже на улице Новосёлов живу, – удивлённо сказал он. – Дом тринадцать, квартира девяносто шесть. Я тоже свой адрес выучил. С папой.

– Знаю ваш дом, – обрадовалась Ульяна. – Самый большой на улице. Бело-оранжевый.

– Да, – сказал он. – Правильно. А ваш я не знаю.

– А у нас хрущёвка пятиэтажная. Их две там стоит, наша от вашего дома подальше. Хотя нам на одной остановке всё равно сходить.

– Да, – согласился он. – Но почему-то мы никогда на остановках не встречались.

– Тебя же папа часто на машине привозит. А мы всегда на троллейбусе.

– Понятно, – сказал он. – Хорошо, что сегодня встретились.

– Конечно, хорошо! Будем теперь и в садике вместе играть. Ты раньше где жил?

– Далеко отсюда. Тоже в хрущёвке. А потом её сломали, и мы здесь квартиру получили.

– И на месте вашего дома хрущёвки стояли. Их тоже сломали, а наши почему-то нет.

– Сломают! И квартиру дадут. У вас сколько комнат?

– Три. Но у нас знаешь, сколько людей живёт! – Ульяна сняла варежку и стала загибать пальцы. – Папа, мама, я, бабушка с дедушкой. И мамин брат дядя Витя. А к нему ещё тётя Нина поселилась. Они, может, поженятся. У тебя брат или сестра есть?

– Нет, только двоюродные. Мы втроём живём: с мамой и бабушкой.

– А папа?

– Папа к нам приходит. А по воскресеньям мы с ним гуляем... Вы ёлку какую ставить будете, настоящую или искусственную?

– Мы не будем ёлку ставить, бабушка сказала.

– Почему? Как же без ёлки?

– Не знаю. Ёлка в садике была. Так что наши решили: обойдёмся без ёлки. Что-то не получается в этом году. Зато меня дедушка на ёлку сводит у них на работе и ещё на спектакль с ёлкой мама билеты принесёт. Это во дворце железнодорожников. Я второй раз туда пойду. Там в подарке не только конфеты. Даже игрушка есть. Как в киндер-сюрпризе.

– И меня папа обещал на ёлку повести. Но всё равно без ёлки дома плохо.

– Плохо, – вздохнула Ульяна.

– Ребята, выходим! – скомандовали взрослые, а когда они оказались на улице, дали новую команду. – Поздравьте друг друга с новым годом и попрощайтесь до встречи после каникул...

Ульяна ушла в сторону своей хрущёвки, а он поплёлся с бабушкой, и даже заход в универсам, где она купила ему любимые меренги, его не развеселил.

– Что-то не везёт твой отец ёлку! – стала ворчать бабушка после завтрака. – А ведь её ещё нарядить нужно.

– Привезёт, – отвечал он. – Ещё рано. Пойдём пока погуляем.

– Некогда мне с тобой сегодня гулять, стол готовлю. Играй дома.

Но, наверное, бабушке стало стыдно, что она с ним не идёт гулять, и она договорилась с двумя соседками, которые гуляли во дворе со своими малышами, чтоб и за ним присмотрели.

А чего за ним присматривать? Он потихоньку катал ком для снежной бабы, а сам поглядывал в сторону подъезда, не появится ли папин «Форд». И когда он появился, попросился у соседок пойти к нему.

Им-то что? Папу они хорошо знали, почему не отпустить?

Папа, конечно, привёз ёлку. Когда он подбежал, папа уже её вытаскивал через заднюю дверь своего хэтчбека.

– Привет, сын! – обрадовался он. – Сейчас увидишь, какую красавицу я раздобыл.

– Подожди! – сказал он. – Можно тебя попрошу?

– Что?! – удивился папа. – Что-то случилось?

– Всё в порядке, – сказал он. – Просто я хотел тебя попросить.

– Ну... проси...

– Понимаешь, у нас в садике... одна девочка... Уля... Ульяна... ей дома ёлку не ставят... а она хочет... Давай отвезём нашу ёлку ей. Это рядом. Она в хрущёвке живёт. И квартиру я помню.

Папа молчал. Потом спросил:

– Ты точно решил?

– Решил. Можно даже под дверью поставить, позвонить и убежать. Чтоб сюрприз получился.

Папа снова помолчал.

– Нет, это всё-таки неправильно. Давай отнесём ёлку и скажем, что это наш с тобой подарок. Согласен быть Дедом Морозом?

– Так Деда Мороза никто не видит.

– Ну, Антон, подловил меня! И всё же сделаем, как предлагаю.

Дверь им открыла молодая женщина в халате. Из-за неё выглядывала Ульяна.

– Антон! – обрадовалась она. – А это тётя Нина.

– Здравствуйте, – сказала тётя Нина. – Хозяев дома нет.

– А нам и не надо, – сказала папа. – Мы к Ульяне пришли. Принесли ей ёлку. – Он взял поставленную у дверей соседней квартиры ёлку, завёрнутую в сетку. – Говори, Антон.

Антон вдохнул побольше воздуху.

– Ульяна, мы с папой поздравляем тебя с Новым годом. Теперь у вас будет ёлка!

– Спасибо! – вдруг хором сказали Ульяна и тётя Нина.

Тётя Нина взяла из папиных рук ёлку и прибавила:

– Приходите к нам в гости!

– Постараемся, – сказал папа. – До свидания!

Они спустились на улицу, сели в машину. Ехать было недалеко, но папа всё равно застегнул его в кресле.

– Ну, – спросил он. – А как же ты будешь без ёлки?!

– Почему без ёлки? – удивился он. – У нас в садике была, потом ты меня на ёлку во детском театре обещал сводить, а ещё в парке ёлку на катке поставили, ребята говорили. И коньки напрокат дают... Ведь мы ещё в этом году на коньках не катались. Поучишь меня.

– Ишь ты! Всё продумал. Только давай-ка, сын, я тебя до квартиры отведу, но с бабушкой встречаться не буду. Придумай сам что-нибудь, а лучше расскажи всё начистоту.

– Как это – «начистоту»?

– Правду. Что мы подарили ёлку.

Легко сказать!

Он появился дома, будто пришёл с гуляния. Молча разделся, сел обедать, слушая ворчание бабушки про то, что его отец до сих пор не появился. Потом вдруг сказал:

– Папа не привезёт ёлку.

– Почему?! – изумилась бабушка. – Он же обещал.

– Я его попросил не привозить.

– Что за дуристика?! Как же ты будешь без ёлки? Куда Дед Мороз подарки положит?

– Найдёт, куда. Думаешь, всем детям ёлки ставят?!

Бабушка не успокоилась и стала звонить папе по мобилке.

Но папин телефон не отвечал.

Пришла с работы мама – пораньше. Она ещё больше, чем бабушка, удивилась, что ёлки нет и тоже стала звонить папе.

Но и на мамины звонки папа не отвечал.

Уже стемнело, когда заиграл их домофон.

– Папаша твой! – обрадовалась бабушка и, не переспрашивая, нажала кнопку.

Она вышла к лифту, и он вслед за ней посмотреть на папу, послушать, что же папа скажет.

Из лифта вышли Ульяна, её мама с довольно старой коричневой коробкой в руках и, наверное, Ульянин папа. Папа обнимал длинный свёрток с их ёлкой, он её сразу узнал, она была всё так же завёрнута в белую сетку.

– Нашли! – радостно сказала Ульяна. – Это мы, Антон!

– Ну, говори, – сказала мама Ульяны её папе.

– Добрый вечер, – сказал папа. – С наступающим! Мы, извините, вот с чем пришли... поймите нас правильно. Спасибо вам огромное за ёлку, только

она большая, и в квартире у нас никак её не поставить... мы прикидывали... ну, никак.

Бабушка смотрела очень удивлённо. Она просто застыла удивлённо.

– Честное слово, не обижайтесь. Зато мы вот что придумали... она придумала... – папа кивнул на Ульяну.

– И ба-абушка моя! – протянула Ульяна недовольно.

– Да. И бабушка, конечно, – поправился папа и показал на коробку в руках Ульяниной мамы. – Здесь – наши ёлочные игрушки. У вас, понятно, свои имеются, но ведь ёлка большая, все поместятся...

– Вот и повесьте наши игрушки тоже – на вашу ёлку! – радостно сказала мама.

– Они много лет собирались, – так же радостно сказал папа. – У нас такие есть, что и не выпускают теперь. Дирижабль, например.

– Иван-Царевич и Жар-Птица, стеклянные гирлянды и дед с репкой. Теремок со всеми зверушками...

– И ещё там есть бабушкина черепашка стеклянная, – добавила Ульяна, показав на коробку. И объяснила: – Она у неё на ёлке висела, когда бабушка даже младше, чем я была. И ты её, Антон, повесь так, чтобы все видели.

– Ретро! – важно сказал папа Ульяны, и все рассмеялись.

– А мы к вам, если сложится, в гости придём, – сказала Ульянина мама. – С бабушкиными пирогами.

– Чего это вы все двери нараспашку?! – раздался сердитый голос его мамы, вышедшей из квартиры. – Холоду напустили...

Увидев улыбающуюся компанию, она замолчала.

Останавливаясь, лязгнул лифт. Створки раздвинулись.

Из лифта, пятясь, выходил его папа.

Ёлка, которую он вытаскивал, была ещё выше, чем первая.

2015

© С.Ф. Дмитренко.
Фото С. Дмитренко работы Анатолия Степаненко © (ugolzreniia) из Фейсбука.